Мечта Дебса

Автор:
Джек Лондон

Мечта Дебса

Джек Лондон

«Я проснулся по крайней мере на час раньше обыкновенного. Это само по себе было уже очень странно, и, размышляя об этом, я пролежал в постели около часа. Я не знал, в чем дело, но чувствовал, что не все обстоит благополучно. Меня томило предчувствие чего-то ужасного, что уже произошло или должно было произойти. Но что же это было? Я старался дать себе отчет в своих ощущениях. Я вспоминал, что после землетрясения 1906 года многие рассказывали, как они проснулись за несколько минут до первого толчка с чувством безотчетного ужаса. Неужели опять Сан-Франциско постигнет такая же страшная катастрофа?…»

Джек Лондон

Мечта Дебса

* * *

Я проснулся по крайней мере на час раньше обыкновенного. Это само по себе было уже очень странно, и, размышляя об этом, я пролежал в постели около часа. Я не знал, в чем дело, но чувствовал, что не все обстоит благополучно. Меня томило предчувствие чего-то ужасного, что уже произошло или должно было произойти. Но что же это было? Я старался дать себе отчет в своих

ощущениях. Я вспоминал, что после землетрясения 1906 года многие рассказывали, как они проснулись за несколько минут до первого толчка с чувством безотчетного ужаса. Неужели опять Сан-Франциско постигнет такая же страшная катастрофа?

Я пролежал в ожидании несколько секунд, но не было слышно ни ударов, ни толчков, ни грохота падающих стен. Все было спокойно. И вдруг я понял. Тишина! Вот что томило меня. Я не слышал шума огромного города. В этот час трамваи проходили под моим окном каждые три минуты. Но вот прошло несколько минут, а трамваев не было слышно. «Не началась ли в городе забастовка трамвайных служащих, – подумал я, – или, может быть, на электрической станции произошла какая-нибудь катастрофа?» Но нет! Тишина была абсолютная. Не слышно было ни грохота повозок, ни цоканья копыт по гладкой мостовой.

Я нажал кнопку электрического звонка. Я, конечно, не мог услыхать звонок: он находился тремя этажами ниже. Но звонок, очевидно, действовал, так как через несколько минут вошел Броун с подносом и газетой в руках. Лицо его было, по обыкновению, бесстрастно, но в глазах его на этот риз сквозило какое-то беспокойство. Я заметил также, что на подносе не было сливок.

– Сливок сегодня не привезли, сэр, – сказал он, – и булок также.

Я снова поглядел на поднос и увидел, что на нем, вместо обычных свежих и румяных хлебцев, лежала черствые куски, оставшиеся от вчерашнего хлеба, вдобавок еще черного и неприглядного.

– Сегодня утром, сэр, ничего не было доставлено, – начал он; но я перебил его:

– А газета?

– Газета доставлена, но в последний раз, сэр. В газете написано, что завтра не будет уже никаких газет. Не прикажете ли купить сгущенного молока?

Я отрицательно покачал головой, сел пить кофе и развернул газету. С первых же строк я узнал, в чем дело. Я узнал даже больше, чем было в действительности, ибо газета была до глупости пессимистически настроена. В Соединенных Штатах разразилась всеобщая забастовка; высказывалось опасение за большие

города, так как они могли оказаться без продовольствия.

Я бегло просматривал газету, вникая лишь в сущность дела и припоминая историю рабочих движений.

Всеобщая забастовка была мечтой целого ряда поколений, при чем мечта эта впервые возникла в голове у некоего Дебса, одного из виднейших лидеров, лет тридцать назад. Я вспомнил, что, еще будучи в университете, я написал для одного из журналов статью под заглавием «Мечта Дебса». С идеей этой я обошелся очень деликатно, вполне академически, считая ее мечтой и ничем больше. Мир продолжал развиваться: Гомперс сошел со сцены, так же как и Американская Федерация Труда, умер и Дебс со своими дикими мечтами, но его идея, однако, не умерла, и вот она осуществилась в действительности. Читая газету, я смеялся. Я знал, как обычно проваливаются все забастовки благодаря различным внутренним конфликтам. Вопрос шел о двух-трех днях. Правительство, несомненно, в несколько дней ликвидирует эту забастовку.

Я отшвырнул газету и начал одеваться. Мне хотелось побродить по улицам Сан-Франциско. Вероятно, любопытное зрелище должны были представлять эти улицы без единого экипажа, трамвая или автомобиля.

– Простите, сэр, – проговорил Броун, подавая мне портсигар, – но мистер Хармед желает переговорить с вами.

Хармед был мой старший лакей. Я заметил, что он был очень взволнован. Он сразу приступил к делу.

– Что мне делать, сэр? Нам нужно запастись провизией, а все поставщики забастовали. Электричество тоже не горит, по всей вероятности, и там забастовали.

– А магазины открыты? – спросил я.

– Только мелочные лавки, сэр. Приказчики не явились на работу, но хозяева с семьями пока что справляются.

– Сейчас же берите автомобиль и поезжайте за покупками. Купите все, что нам может понадобиться. Купите ящик свечей, или даже лучше полдюжины ящиков. А когда вы все сделаете, – скажите Гаррисону, чтобы он заехал за мной в клуб к одиннадцати часам, никак не позже.

Хармед покачал головой.

– Мистер Гаррисон забастовал по постановлению Союза Шоферов. А я не умею управлять автомобилем.

– Ха-ха, он забастовал! – воскликнул я. – Ну, хорошо, когда вы увидите «мистера» Гаррисона, скажите ему, чтобы он искал себе другое место.

– Слушаюсь, сэр.

– А вы, Хармед, случайно не принадлежите к Союзу Официантов?

– Нет, сэр, – ответил он, – и если бы даже я и принадлежал к этому союзу, я бы не покинул своего хозяина в такой критический момент.

– Благодарю вас, – сказал я, – все-таки собирайтесь: я сам буду управлять автомобилем, и мы сделаем достаточный запас провизии, чтобы выдержать осаду.

Был превосходный первомайский день. На небе ни единого облачка. Веял теплый ветерок. Сады благоухали. По улицам сновали автомобили; управляли ими сами хозяева. Толпы народа бредили взад и вперед, но все было совершенно спокойно. Рабочие, одетые в лучшее праздничное платье, мирно гуляли, наблюдая, какое впечатление производит забастовка. Все было так необычайно и вместе с тем так спокойно, что я почувствовал невольное восхищение. Мои нервы приятно взвинтились. Это было какое-то мирное приключение. Я встретил мисс Чикеринг, она сама управляла своим маленьким автомобилем. Она повернула руль, догнала меня на углу и воскликнула:

– О, мистер Корф! Вы не знаете, где можно купить свечей? Я объехала по крайней мере дюжину магазинов, но свечи повсюду распроданы. Это ужасно, – не правда ли?

Но ее сверкающие глаза не соответствовали словам. Ей, по-видимому, все это доставляло большое удовольствие. Покупать свечи – ведь это было целое приключение! Мы объехали весь город и только тогда догадались поехать в южную часть, в рабочий квартал. Там в одной мелочной лавке еще не все свечи были распроданы. Мисс Чикеринг полагала, что одного ящика вполне достаточно, но я уговорил ее купить четыре. Сам я взял дюжину ящиков, так как автомобиль мой был достаточно вместителен. Нельзя было предвидеть, сколько времени продлится забастовка. Поэтому я нагрузил автомобиль мукой, консервами, сухими дрожжами и всякими предметами первой необходимости, на которые мне указывал Хармед, прыгавший и кудахтавший вокруг покупок, как старая наседка.

Интересно отметить, что в первый день никто не отдавал себе отчета, насколько серьезно было все происходящее. Заявление рабочих организаций, что они могут продержаться месяц и даже больше, было встречено всеобщим смехом. Но вскоре пришлось убедиться, что рабочие не принимают никакого участия в покупках и не делают никаких запасов; это было вполне понятно: за несколько месяцев рабочие сделали себе огромные запасы всего необходимого, потому-то они и позволяли нам покупать провизию даже в своем квартале.

Только приехав в клуб и увидав царившее там смятение, я почувствовал тревогу. Для коктейля кое-что не хватало, а сервировка была ниже всякой критики. Почти все посетители были не в духе и очень волновались. Меня встретил гул голосов. Генерал Фольсом сидел около окна в курительной комнате и отмахивался от шести-восьми возбужденных джентльменов, которые просили его что-нибудь предпринять.

– Что же я могу сделать, у меня нет никаких инструкций из Вашингтона; если вам, господа, удастся наладить телеграфное сообщение, – я готов буду сделать все, что мне прикажут. Но я не знаю, что можно тут сделать. Как только я узнал о забастовке, я немедленно поставил отряды солдат у всех общественных зданий, у банков, у почтовых контор и у Монетного двора, но ведь в городе не происходит никаких беспорядков. Забастовка протекает в полном спокойствии. Или вы хотите, чтобы я начал стрелять в рабочих, гуляющих с женами и детьми по улицам?

– Интересно, что делается на Уолл-Стрит? – с беспокойством спросил Джимми Уомбольт, когда я проходил мимо.

Я понял, почему он так волнуется: он был заинтересован в одном крупном консолидированном западном предприятии.

– Скажите, Корф, – остановил меня Аткинсон, – ваша машина в порядке?

– Да, – отвечал я, – а что случилось с вашей?

– Сломалась, а все гаражи закрыты. Моя жена около Трукки, и я боюсь, что она отрезана от суши. Я предлагал за телеграмму бешеные деньги, но ее все-таки не отправили. Жена должна была вернуться сегодня вечером. Я боюсь, что она умерла с голоду. Вы мне не дадите вашей машины?

– Но вы все равно не можете переехать через залив, – заметил Холлстэд. – Пароходы не ходят. Но вот что вы можете сделать. Попросите Роллинсона… Роллинсон, подите сюда на минутку! Аткинсон хочет перевезти через залив машину, – его жена застряла где-то около Трукки, – нельзя ли перевезти машину на вашей «Лурлетте»? – «Лурлетта» была двухсоттонная океанская яхта.

Роллинсон пожал плечами.

– Вы не найдете ни одного портового рабочего, чтобы погрузить машину. Да даже если бы ее и погрузили, то все равно это бесполезно, потому что все мои матросы состоят в союзе и тоже бастуют.

– Но ведь моя жена умрет с голоду, – жалобно произнес Аткинсон.

В другом конце курительной комнаты я увидел группу людей, которые оживленно и сердито толковали о чем-то, окружив Берти Мессенера. Берти доводил их до бешенства своими хладнокровными циническими рассуждениями. Его не слишком беспокоила забастовка. Его вообще мало что беспокоило. Он был необычайно самоуверен, по крайней мере во всех обычных житейских делах. Все низменное и обыденное не производило на него никакого впечатления. Он обладал капиталом в двадцать миллионов, вдобавок прекрасно помещенным, и никогда в жизни не занимался каким-либо производительным трудом, так как деньги достались ему по наследству от отца и двух дядей. Он побывал всюду, все испытал, кроме, разве, женитьбы. Он тщательно охранял свою свободу, несмотря на атаку сотен корыстолюбивых мамаш. В течение нескольких лет он был самой желанной добычей, но всегда ловко увертывался от своих

преследовательниц. Он был, бесспорно, лучшим женихом. При всем своем богатстве, он был еще к тому же красив, молод и весьма благовоспитан. Он был превосходный атлет, сложенный, как молодой бог, и все делал с поразительным совершенством, кроме женитьбы. Он ни о чем не беспокоился, у него не было честолюбия, не было пылких страстей, не было даже желания сделать что-нибудь лучше других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dzhek-london/mechta-debsa

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити